

КАРИНА
ВОЛОДИНА

Песнь
Безродного

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Иллюстрация на переплете *Valentine*

Дизайн обложки *Е. Петрова*

Володина, Карина Сергеевна.

В68 Песнь безродного / Карина Володина. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

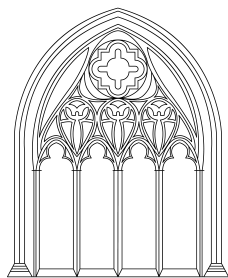
ISBN 978-5-04-215740-0

Алин — потомственный охотник на вампиров из древнего румынского рода Фунаров. В двадцать лет Алин, как и подобает всем высокородным отпрыскам, отправляется из родной Луизианы в академию охотничьего мастерства в Румынии — но Румыния не встречает с распростертыми объятиями, а академия, кажется, переживает не лучшие времена...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215740-0

© Володина К., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Академия называется «Румынско-американский институт физического воспитания, спорта, медицины и фармации Бухаресте».

Враньё начинается с названия: академия находится не в Бухаресте.

— Нам сказали, что нас встретят, — тянет моя сестра Тома. — И где?..

Это второе враньё: встречать нас явно никто не собирается.

Меня зовут Али́н Фуна́р, и я — потомственный охотник на вампиров. В обозримом будущем. Пока я только гордый обладатель широко известной в узких кругах родословной, прибывший к месту обучения, — вернее, к его надёжно запертым воротам.

— Он уезжает. — Тома оборачивается к такси. — Алин, он!..

— Ага, — выдыхаю я, провожая взглядом грязно-белый раздолбанный автомобиль неизвестного происхождения. — Уезжает. Уехал.

Не без труда развернувшись на узкой горной дороге, тот ползёт к виднеющейся далеко внизу трассе. Тома громко

стонет, запрокинув голову, порыв сырого ветра сдувает её короткие тёмно-рыжие кудри со лба.

Не знаю, зачем Томе таксист: вряд ли ему что-то известно о нашем учебном заведении. Да и поглядывал он на нас всю дорогу не слишком дружелюбно. Наверное, его смутил наш акцент и одновременно неплохое владение языком. Академия красуется чуть выше деревеньки Мэгúры, куда нет-нет да должны заезжать проложившие оригинальный маршрут туристы, — но таксист, отловленный нами в Брашове, долго недоумевал, «че драку»¹ мы забыли в этих краях.

Вообще-то нам обещали трансфер до академии ещё из Бухареста.

Бухарестский аэропорт встретил нас приветливейшим персоналом, чувством «о чёрт, вот мы и в Румынии» — и полным отсутствием какого-либо академического трансфера.

Мы прождали в зале прилёта полчаса. Вышли на улицу. Куратор не отвечал на звонки, затем абонент и вовсе стал недоступен. Я начал злиться. Раза с пятого открыл через аэропортный вайфай почту, нашёл номер дирекции, позвонил туда.

— Чине ешть?² — озадаченно спросили меня. — А-а-а! Алин! Бине аць венит! Пакат ка Фёрка н-а путут вени!³

— Ну штиу ничь ун Ферка⁴, — раздражённо ответил я. — Унде есте трансфер ностру?⁵

— Ферка н-а путут вени, — повторили мне.

Ферка, наш горе-куратор, как я выяснил позже, и отвечал за наш трансфер. Но к сожалению, «Ферка н-а путут вени», и меня споро проконсультировали, как добраться до академии самостоятельно. Сесть на поезд до центра Бра-

¹ *Ce dracu* — какого чёрта (рум.).

² *Cine ești?* — А вы кто? (рум.)

³ *Bine ați venit! Pacat ca Ferka n-a putut veni!* — Добро пожаловать! Так жаль, что Ферка не смог приехать! (рум.)

⁴ *Nu știu nici un Ferka.* — Я не знаю никакого Ферку (рум.).

⁵ *Unde este transfer nostru?* — Где наш трансфер? (рум.)

шова, потом поймать такси до пункта икс. Звучало не так уж сложно.

Но Тома уже была на взводе: что за организация? Мы добирались сюда из Луизианы почти сутки: девятичасовой перелёт в Лондон — четырёхчасовая пересадка — ещё три с лишним часа в самолёте до Бухареста. Нам уже не хотелось думать о поездках и такси.

Однако пришлось.

— Алин, позвони им, — цедит Тома.

Да, это хорошая идея. Сначала я тщетно пытаюсь дозвониться до куратора, но нет даже гудков. Затем сдаюсь и жму на последний набранный номер: дирекция.

— Алин! Ай ажунс дежа аичь?¹ — бодро спрашивает голос в трубке.

Я объясняю голосу, что мы стоим прямо у ворот, но Ферки всё ещё не видим. Если он вообще существует, этот Ферка.

— Вине имедиат!² — обещают мне.

Родители много рассказывали нам об академии — не обходилось и без студенческих фотографий. Здание всегда казалась мне гораздо внушительнее, а окрестности — куда более дикими.

На самом деле я вижу деревенские дома и поля для скота, разбросанные по волнистой горной долине внизу, а сама академия — довольно скромных размеров старый румынский замок. Как раз из тех, что впечатляют на фотографиях, но в реальной жизни не больше ратуши.

Кроме того, академия, кажется, разваливается.

— Тут дыра в стене, — подмечает Тома. — Алин. В стене — дыра. Как это понимать?

Иногда Тома начинает говорить так, будто я виноват во всех бедах человеческих. Я всё равно люблю её — она очень хороший человек. Просто излишне требовательный и впечатлительный.

¹ *Ai ajuns deja aici?* — Вы уже здесь? (рум.)

² *Vine imediat!* — Он сейчас подойдёт! (рум.)

— Ун мик инцидент¹, — пытаюсь пошутить я.

Тома раздражённо морщит маленький курносый нос. Томе совсем не смешно.

Ну а мне пока смешно. Не совсем смешно... забавно. Вот и хвалёная академия охотников на вампиров, прославленная многими выпускниками, великая альма-матер моих родителей, их родителей, родителей их родителей... Древний потрескавшийся камень, крошечные окна, обгаженные птицами, и такие же обгаженные ворота — уже не столь старые, но всё равно повреждённые временем. На воротах дирекция почему-то решила сэкономить. Если поднапрягусь, я смогу попросту через них перелезть, удобно поставив ногу на одну из перекладин.

Какое-то время мы с Томой молча разглядываем компактный двор, открывающийся нашему взору за железными прутьями. Яркая горная трава, протоптанная дорожка к большой деревянной входной двери, несколько табличек, предупреждающих нас, что «объект находится на реконструкции», на румынском, венгерском, болгарском и немецком. Английского нет. Это немного настораживает. Я хорошо знаю румынский, но в дирекции нам клятвенно обещали, что всё обучение, *конечно же*, будет проходить на английском.

— Ну хотя бы башенки есть, — вдруг по-детски непосредственно выдыхает Тома.

Я улыбаюсь.

— Ага, — отвечаю я. — Как на фотографиях.

— Как на фотографиях... — повторяет Тома.

Замок стоит к нам чуть боком, и я сразу угадываю очертания каменного прямоугольника с конусообразными пристройками-башнями по бокам. Правда, на родительских фотографиях камень основной кладки казался ярко-белым, а не грязно-серым, а деревянная (боже мой) крыша замка — каменной.

¹ *Un mic incident* — небольшой инцидент (рум.).

Но родителям же всё нравилось?..

Дверь открывается.

Брови Тома ползут вверх в неумолимой смеси насмешки и недоумения.

— Привет! — кричит молодой человек, пинком распахнувший тяжёлый деревянный массив.

Я и не подозревал, что простое «привет» можно произнести по-английски с таким дичайшим акцентом.

Дверь со скрипом встаёт обратно, молодой человек подлетает к воротам, возится с уродливым дешёвым замком.

— О, простите, я не смог, — сообщает он с ещё большим акцентом, сдувая со лба чёлку.

Тома открывает рот — и поспешно закрывает его, покосившись на меня.

Я знаю, что она хотела сделать: нелестно отозваться о молодом человеке на румынском, как мы делали всегда в Америке, чтобы никто не понял, — но, к сожалению, здесь с этими уловками придётся распрощаться.

Молодой человек словно сбежал из местного бара, где всю ночь праздновал... ну, скажем, окончание академии. Белая изжёванная рубашка свисает поверх мятых костюмных брюк; на груди — буро-жёлтое пятно, будто он пролил на себя вино и его стошнило; длинные чёрные волосы тоже не отличаются чистотой и выбиваются из неопрятного хвоста. Судя по брезгливому взгляду Тома, она уже готова вынести нашему новому знакомому беспощадный модный приговор. Тома и внешний вид — слишком хорошо знакомый мне дискурс; я выслушал больше стонов об укладке коротких кудрявых волос и маскировке веснушек, чем лекций всех домашних учителей, вместе взятых.

— Я зовут Ферка, — выпаливает молодой человек, справившись с замком и протягивая мне руку между решётками. — Рахат!¹ Одна секунда! Два!

¹ *Rahat!* — Чёрт! (рум.)

Он держит ладонь в воздухе и, не смотря на меня, тянется другой ко второму замку. «Двухфакторная защита от вампиров», — с усмешкой думаю я.

И послушно жму ему руку, пока он занимается своим делом.

— Алин, — представляюсь я. — Еу ворбеск ромынеште. Ну-ць фэ грижь!¹

— О, славэ Домнулуй!² — оживляется Ферка.

И всё — больше ни одного английского слова мы от него не слышим.

— Тома? — недоумевает он, узнав имя моей сестры. — Но это же мужское...

— А ты же наш *куратор*, — прищуривается Тома. — Ты что, даже не знаешь наших имён?

Ферка неловко кашляет. Так же неловко улыбается.

— Алин и Тома, — говорит он. — Конечно, знаю.

— *Фунары*, — почти выплёвывает Тома. — Алин и Тома Фунары. Род Фунаров. На каком ты курсе? Ты серьёзно о нас не слышал?

Я незаметно толкаю Тому в бок.

Бесполезно.

— А-а-а, род Фунаров... — Я вижу по глазам Ферки, что он не знает о нас ничего. — Да, конечно, слышал. История родов-основоположителей...

— Основоположников.

— Ну что, пойдём? — торопливо спрашиваю я. — Как насчёт небольшой экскурсии?

Ферка, тянувший ворота на себя, замирает.

— Экскурсии? — Он снова кашляет. — Ха. Ну конечно, если вы хотите. После собрания.

— Какого собрания?.. — моргаю я.

— Ну общекурсового собрания, — настороженно поясняет Ферка. — Вам что, не сказали?

¹ *Eu vorbesc românește. Nu-ți fă griji.* — Я говорю по-румынски. Не переживай (рум.).

² *Slavă Domnului!* — Слава богу! (рум.)

Теперь Тома толкает в бок меня. Почему-то она смотрит не на Ферку — на его ботинки.

Я опускаю глаза туда же.

Ах, чёрт.

На чёрных ботинках Ферки, узких, армейских — в таких же стою и я, и Тома, — чёрные шнуры.

Не цветные.

Безродный.

Ну да, стоило догадаться сразу: никакого Ферки среди юношей охотничьих родов я, как ни стараюсь, припомнить не могу.

Ферка ловит наши взгляды. Вопросительно смотрит на меня.

Вопросительно — и ещё более настороженно.

— Подожди, какого, ещё раз, собрания? — повторяю я, пытаюсь собрать мысли воедино. — Общекурсового? Разве оно не должно быть... завтра?..

— Ну вы же уже приехали, — пожимает плечами Ферка. — И Дан тоже. Прямо перед вами. Остальные заселились вчера.

— Да, но... — озадаченно начинаю я.

И заминаюсь: кажется, Ферка не понимает моего удивления.

— Нам сказали, — Тома прищуривается уже совсем нехорошо, — что собрание будет *завтра*. А занятия начнутся послезавтра.

— Завтра, — поправляет её Ферка.

— Что — «завтра?» — Тома готова взорваться.

— Занятия начинаются завтра. Вы же уже приехали. Сегодня.

— Да, и мы...

Тома замолкает. Потрясённо взмахивает головой, будто Ферку со всеми его словами можно отогнать от себя, как назойливую муху; «*Ну и идиотизм*», — читается в этом чувственном и лаконичном жесте.

— Мы приехали на день раньше, чтобы спокойно упаковать вещи и обустроиться, — прихожу ей на помощь я. — И нам сказали, что все организационные моменты будут завтра.

— Да, но Хэнрик сказал — сегодня. Потому что все курсы уже здесь. А вещи... ну вы можете спокойно упаковать их вечером? После собрания.

Разговор начинает идти по кругу. Я кидаю на Тому предупреждающий взгляд, киваю Ферке:

— Хорошо, как скажешь. И когда собрание?

— Прямо сейчас, — невозмутимо отвечает Ферка. — Вы ведь уже приехали.

— Мы-то приехали, — не удерживается Тома. — А вот некий Ферка, наш *куратор*, почему-то не смог.

Ферка одаривает нас очередной неловкой улыбкой — и приглашающе распахивает ворота.

— Алин, это беспредел, — шипит мне на ухо Тома. — Что здесь происходит? Они хотя бы доставили наши вещи?

— Думаю, это надо спрашивать не у него, — бормочу я, указывая глазами на Ферку. Тот бредёт впереди пошатывающейся походкой.

— Это — наш главный вход и выход, — сообщает он; видимо, всё-таки решил провести краткий обзор локаций после замечания Тома. — Официально на каждый выход с территории академии нужно получать разрешение, но мы обычно просто перелезаем через ворота. Вы пьёте?

— Нет, — цедит Тома.

— Да, — говорю я.

Ферка оглядывается на меня через плечо. Вслепую наваливается на деревянную дверь, которая вблизи уже не кажется такой массивной и тяжёлой.

— Тогда тебе точно нужна экскурсия по Мэгуре после экскурсии по академии, Алин, — весело усмехается он. — Есть одно просто отличное ме...

— Ты, похоже, прямо из него? — ядовито перебивает Тома.

Ферка вновь игнорирует её издёвку, сторонясь и пропуская нас вперёд.

— Ну экскурсия временно закончена, — заявляет он, закрывая дверь. — Мастер Хэнрик, я их привёл!

Внутренний двор — а мы попадаем именно в него — куда приличнее фасада. Мой взгляд сразу привлекает огромная скульптура в центре: две фигуры высотой в два-три человеческих роста, вампир и охотник. Вампир беззвучно кричит, сжав руками горло и застыв в вечном падении; охотник с разящим мечом замер в таком же вечном развороте, спокойный и сосредоточенный. Судя по характерным железным трубкам, торчащим из горла вампира, и небольшой чаше у земли, некогда эта композиция использовалась как фонтан.

Фонтан хорош — это бесспорно.

Менее бесспорно хороша шумная студенческая толпа, заполонившая почти всё свободное пространство.

Я не вижу никакого «мастера Хэнрика» (более известно как Ёнри Лазарёску, поистине бессмертного и нестареющего директора академии). Мой взгляд мечется от фонтана к доброй полусотне юношей и девушек, не обращающих на нас с Томой никакого внимания: слишком заняты друг другом. Я улавливаю краем глаза, как взгляд Тома устремляется вниз. Оценивает количество цветных и чёрных шнурков. Я обещаю себе поговорить с ней об этом — когда останемся наедине.

Большинство юных охотников стоят не у фонтана и дверей, а чуть поодаль, под сводами галерей, широкой буквой U окаймляющих весь двор. Кое-где виднеются новые деревянные двери, похоже ведущие во внутренние помещения, кое-где — скульптуры, скромнее и меньше центральной, приютившиеся по углам. Ферка задирает голову.

— Мастер Хэнрик, последние новички здесь! — гаркает он на весь двор — но никто даже не оглядывается.

Я тоже поднимаю голову. Ах вот оно что: длинный балкон-переход из одной части каменного колодца в другую.

На балконе человек десять, но Генри Лазареску я узнаю первым.

Генри Лазареску трудно не узнать: при всей огромной (как он утверждает) директорской нагрузке он не пропускает ни одного светского приёма. Чудо, что нам удалось застать его здесь и сейчас. Наверное, решил перенести очередной охотничий раут в горах Швейцарии.

Генри Лазареску стабильно бывал в нашем доме раз в год — даже в худшие для себя времена. Иногда он приезжал два, три, а то и пять раз — в зависимости от того, сколько приёмов устраивала наша семья. Я с ранних лет знаю его тонкое, умное, но чуть испорченное излишней хитрецей лицо; оно совсем не менялось из года в год. Разве что становились длиннее и ухоженнее густые белые волосы — Генри всегда кокетливо говорил, что седеет, но все понимали: обычная краска.

Сейчас волосы Генри перевязаны ярко-золотой лентой — цветом его рода. Я встречаюсь с ним взглядом; Генри слегка прикрывает глаза и улыбается.

А потом произносит хорошо поставленным, громким голосом:

— Господа охотники! Атенцие, vă rog!¹

«О нет», — думаю я.

И мои худшие опасения подтверждаются: дальше Генри не произносит ни слова по-английски.

Шум стихает, все смотрят на балкон. В основном — нехотя.

— Добро пожаловать в старейшую на свете академию охотников на вампиров! — провозглашает Генри. — Или, как мы её теперь называем, Румынско-американский институт физического воспитания, спорта, медицины и фармации Бухареста...

— А я боялся, что здесь всё будет на английском, — низким шёпотом говорит парень в очках позади меня.

¹ *Atenție, vă rog!* — Прошу внимания! (рум.)

Тома мгновенно инспектирует цвет его шнурков. Мне это не нужно: я сразу понимаю, что это безродный. Я знаю в лицо всех, кто поступил с нами на один курс, и этот парень не был ни на одном званом ужине, посещённом моей семьёй. А моя семья их очень любит. Пожалуй, не уступая в этом Генри.

— Ты из местных? — тоже шёпотом спрашиваю я. — То есть... из Румынии?

— Вообще-то, всё и должно было быть на английском, — шипит Тома.

— Это Дан, — вставляет Ферка. — Дан... эм...

— Не думаю, что вам что-то скажет моя фамилия, — улыбается парень. — Дан Попёску. Я из Брашова.

— Брашова?... — моргаю я. — Но как же...

— Как ты сюда попал? — перебивает меня Тома. — Они совсем охамели?

Они — это вампиры.

Или Генри Лазареску и остальное местное руководство.

И я полностью разделяю возмущение Тома.

У безродных есть только один способ попасть в академию: каким-то образом узнать о существовании вампиров. А это довольно сложно: тайна вампирского существования сохраняется нашим охотничьим институтом и государственными органами тщательно и неукоснительно. Единственный возможный вариант — стать жертвой нападения вампира и выжить.

Большинство вампиров в наше время — малокровники, они не нападают ни на кого и питаются кто чем (и кем) горазд: животными, человеческими компаньонами (не до смерти, разумеется) и просто краденной из больниц или сцеженной из сырого магазинного мяса кровью. Законопослушные вампиры внесены в общую базу данных, регулярно посещают контрольные пункты и всегда готовы к неожиданным проверкам от охотников, прикреплённых к их региону. Удел последних — прорва бумажной волокиты, государственные тайны, иногда забавные, а иногда печаль-

